

✦ Колонка редактора

Ю.М. РЕЗНИК, М.В. ТЛОСТАНОВА

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТОСЕ ГУМАНИТАРНЫХ УЧЕНЫХ (диалог, часть I)

Аннотация: В центре внимания размышляющих и полемизирующих друг с другом авторов этой работы стоят проблемы осмысления природы и различия социального и гуманитарного знания, смены парадигм в современной философии науки, причин отставания отечественной гуманитарии от мировой, а также пути выхода из этого кризиса. Авторы предлагают свои варианты ответов на эти вопросы. Среди них особое место принадлежит концепции трансперсональности и деколонизации (со)знания.

Abstract: The focus of the two authors' reflection and debate in this paper is on the problematic of the nature and differential of the humanities and social sciences; the shifting paradigms in contemporary philosophy of science; the reasons for the Russian humanities lagging behind the global trends, as well as the ways out of this crisis. The authors suggest their own answers to these questions. Among them the most important are the transpersonal approach and decolonizing of knowledge and thinking.

Ключевые слова: ученые, диалог, этос, гуманитарные науки, социальные науки, архитектура знания.

Key words: scientists, scholars, dialogue, ethos, humanities, social sciences, architecture of knowledge.

Уважаемые читатели! Представляем Вашему вниманию материалы диалога, который состоялся в редакции журнала «Личность. Культура. Общество» 16 марта 2012 г. между шеф-редактором, профессором Юрием Михайловичем Резником и новым главным редактором журнала, профессором Мадinou Владимировной Тлостановой.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Тлостанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: myudina@yandex.ru.

В 2010 г. авторы этого диалога опубликовали в нашем журнале редакционную заметку «Об этосе журнала» (см. Т. 12. Вып. 3). Приведем некоторые фрагменты этой заметки, наиболее наглядно демонстрирующие их общую позицию.

«Но если у журнала есть свой эгрегор, то в редколлегии постепенно формируется особый этос, т.е. определенный склад ума или «внутренний строй» сознания, присущий большинству членов коллектива. Как известно, этос науки, по Р. Мертону, — это совокупность моральных императивов, принятых в научном сообществе и определяющих поведение ученого. Попадая в сферу действия эгрегора, мы вдруг обнаруживаем, что мыслим и действуем сходным образом, осознавая свою причастность к общему делу, без которого, как нам кажется, наша жизнь станет беднее. И это общее в нашем сознании и самосознании выражает этос...».

«...Наш журнал может стать новым типом института взамен дискредитированных старых, превратившихся в «клановые объединения» и тормозящих развитие науки. Более того, в идеале он должен стать структурообразующим механизмом, дающим жизнь событиям, летучим изменчивым сетям, которые создаются пусть на час или на день, но при этом порождают особое пространство диалога, одновременно «прошивают» и «сшивают» реальность, но обязательно на микроуровне, чтобы не превратиться в добычу для нормативных устоявшихся институтов и не убить в научном общении и сотрудничестве все живое».

Авторы данной заметки пришли к выводу, что на пути профессиональной консолидации ученых-гуманитариев стоят такие факторы, как «страх перед настоящим», блокирующий творческую активность, эгоцентризм (замкнутость на себя, равнодушие к проблемам других людей), леность и непродуктивность, институциональные барьеры, провинциальность научного сознания и изолированность исследователей от достижений мировой науки, круговая порука и взаимное перекалывание ответственности друг на друга. Выход из патовой ситуации хронического отставания гуманитарных исследований авторы видят в следующем: продолжать идти собственным путем, непрерывно двигаясь и постоянно задавая вопросы себе по ходу движения, а не насаждать заранее готовые ответы, принципы и правила.

Авторы ставят вопрос о качестве профессиональной научной среды, сложившейся в сегодняшней России. Они приходят к выводу, что «нужен полноценный и систематический дискурс с себе подобными, разговор с ними на равных и, по возможности, на одном (в широком парадигмальном смысле) языке». Только в этом случае можно выработать и предложить сообществу «конструктивную и многолетнюю научную программу, удерживая при этом высокую профессиональную планку и не сбиваясь на сиюминутные сюжеты», только тогда мы «сможем продвинуться дальше и обеспечить одно из важнейших условий собственного профессионального существования — производство новых концепций (систем знания) и постоянный обмен позициями по поводу их содержания».

А теперь предоставим возможность самим авторам «выяснить отношения» по ряду нерешенных вопросов организации гуманитарного научного сообщества.

Редакция журнала

Резник Юрий Михайлович: *Мадина Владимировна! Я предлагаю построить первую часть нашего разговора вокруг основных тезисов Вашей статьи, опубликованной в на-*

шем с Вами журнале и четко выражающей Вашу позицию по обсуждаемой нами сегодня теме¹.

Тлостанова Мадина Владимировна: Согласна, Юрий Михайлович. Я не очень люблю традиционные интервью со стереотипными вопросами, которые загоняют человека в клетку почти тестового мышления, но раз мы будем говорить с Вами о проблематике гуманитарных наук, думаю, нам удастся в какой-то мере избежать «перехода на личности». Не подумайте, что я этого боюсь, просто то, что мне надо выразить как личности, я выражаю в своем творчестве — и научном и особенно в художественном. Поэтому если я кому-то интересна как личность, я отсылаю к своим романам, а не к интервью, которое в силу своих жанровых особенностей и объема не способно выразить всей многогранности любой личности.

Агония или возрождение гуманитарного знания: постановка диагноза

Ю.М.: Для начала выясним предметные границы гуманитарных и социальных наук. Если отвлечься от общепринятых представлений, то какие еще линии демаркации проходят между ними, на Ваш взгляд?

М.В.: Я придерживаюсь достаточно известного взгляда, что социальные науки отличаются от гуманитарных, прежде всего, именно тем, что они суть науки (sciences) и в этом смысле стоят в одном ряду с естественными науками, с науками о природе. Дело в том, что в русском языке нет разницы между sciences и humanities, между ученым-гуманитарием (scholar) и естественником или общественником (scientist), а, например, в английском есть, и она носит смыслообразующий характер, чего не понимают многие горе-переводчики, которые не долго думая называют все науки «sciences» и всех ученых — «scientists». Так вот, humanities — это не sciences! В социальных науках господствует иллюзия и требование примата объяснения над пониманием. А в гуманитарии с некоторыми оговорками все же перевешивает герменевтика и объяснение, как и идеографический, а не номотетический драйв.

Как известно, гуманитарные науки старше социальных, они относятся к другой эпохе, к другой модели философии науки, что очевидно прослеживается даже в их названии. В основе здесь лежит представление о человеке и человеческая таксономия, которые были выработаны в эпоху Ренессанса в Европе. В результате появилась модель идеального человека и человечества, вовсе не данная изначально Господом, как это пытались представить ее создатели, но искусно сконструированная, согласно представлениям белых христиан-европейцев мужского пола.

Европейская Ренессансная модель человечества стала господствующей, а огромные группы людей оказались классифицированы как второсортные или вовсе не люди. Поскольку авторами ренессансной концепции человека были, главным образом, итальянские гуманисты, то они себя самих представили в качестве квинт-эссенции универсальной концепции человека (“hu-man”), а остальное человечество отныне стало отклонением от этой нормы. Идеальный человек, чьи пропорции хорошо известны по рисунку Леонардо да Винчи (Витрувианскому человеку), моделировался на основании опыта существования и внешнего вида европейца и в этом смысле был и остается тоталитарной концепцией.

¹ См.: Тлостанова М.В. Агония гуманитарного знания: кто виноват и что делать? // Личность. Культура. Общество. 2012. Том XIV. Вып. 1 (№№ 69-70). С. 19-24.

Напомню, что в эпоху Возрождения гуманитарные науки были основными для гуманистов в их познании мира, как и в кантовско-гумбольдтовском университете, главенствовавшем в постпросвещенческом мире вплоть до Второй мировой войны. И там, и там гуманитарные науки стояли в центре социальных дебатов, связанных с актуальными и насущными проблемами, выдерживая главенствующую роль в обсуждении важных для социума вопросов. И по большому счету только университет Холодной войны, а затем корпоративный оттеснили их социальными науками и региональными исследованиями, быстро превратившимися в отрасль государственного-корпоративного обучения.

Социальные же науки появляются лишь в XIX веке, поскольку оказываются необходимыми для организации управления и обеспечения деятельности гражданского общества. Методологически, как мне представляется, они все же в большинстве своем тяготеют к позитивизму в разных вариантах и даже более современные конструктивистские и «понимающие» подходы все равно отмечены родимыми пятнами позитивизма, сциентизма и фактографии. К концу XIX века формулируется уже четкое противопоставление естественных и гуманитарных наук и чуть позднее, жесткому разграничению подвергаются науки о человеке, об обществе и о природе. Позднее эта весьма условная схема дисциплинарности будет возведена в ранг естественного, нормального, испокон веков существовавшего состояния. Вместо тривиума и квадривиума, стоявших на службе короны и церкви, в кантовско-гумбольдтовском университете философия и науки находятся на службе возникавших наций-государств.

Сегодня эта модель сменяется новой архитектурой знания, в которой пока наша страна не задействована, потому что мы воспроизводим модель знания холодной войны, соотносясь с научным прошлым Запада. Мы продолжаем воспроизводить привычную модель реактивного описания уже случившегося с опорой на запоздало входящие в наш контекст или традиционные (бог знает кем и когда окрещенные классикой) западные источники, потерявшие актуальность в мировой рефлексии, тем самым закрепляя свое отставание в этой области, фиксируя точки невозврата, которые окажутся гораздо более пагубными в будущем, чем технологическое отставание. Это закрепляет вторичность гуманитарного знания в нашей стране и практически его отсутствие для остального мира, ведет к вялости и оторванности науки от живой социальной и политической реальности.

Существует ряд нерешенных проблем самих гуманитарных наук, которые мешают им выйти на новое качество и, с одной стороны, не пытаться возвращаться к кантовско-гумбольдтовской модели, а с другой стороны, не мимикрировать под требования корпоративного университета, придумывая несуществующую эффективность и прибыльность и создавая немислимые гибриды принципов корпоративного университета и гуманитарных подходов. Например, прописываются примитивно понимаемые компетенции, которыми в результате обучения должен овладеть студент. Здесь игнорируется тот факт, что проникновение в самые разные пласты знания и методы его изучения и генерирования, расширение кругозора посредством ознакомления с достижениями мировой культуры, причем из самых разных традиций и локалов, а также прививания способности интегрировать знание, пересекая границы отдельных дисциплин и опыта и есть подлинное и ценное отличие и то самое трудно опережимое пластичное умение или навык, который и дает в идеале

гуманитарное образование. В сегодняшнем изменчивом и сложностном мире, это гораздо более ценно, чем набор конкретных специальных ограниченных умений, которые могут быстро устареть.

Гуманитария должна, на мой взгляд, освобождаться от дескриптивности, ухода целиком в сферу диахронного изучения культур, философских традиций, систематического игнорирования современности, подмены критического понимания простым изучением разнообразных явлений как объектов в рамках мифической оппозиции модернизм/традиция, тяготения к научной идеологии регионалистики, построенной на объективации иного и его присвоении и дальнейшей унификации или демонизации.

Ценность гуманитарных подходов должна заключаться как раз в их способности ставить под сомнение сциентистские методы и инструменты (по)знания, дезавуировать эпистемологические основания их риторики, которые в господствующей системе образования и науки предстают как единственно возможные, деконструировать саму таксономию существующих дисциплинарных делений и научных принципов.

Ю.М.: Все это замечательно, но что же тогда останется в гуманитарии от науки. Такая трансформация лишает ее вообще статуса науки. Дескриптивность долой, региональные исследования прочь, критерии эффективности результатов исследования на свалку. А что же остается от гуманитарной науки? Или она и не должна быть наукой в ее традиционном понимании?

М.В.: Вообще-то не должна и никогда не была за исключением одиозных своих вариантов, быстро сошедших в небытие, но правильнее было бы взглянуть на этот вопрос с другого конца: в Вашем вопросе прорывается уверенность в том, что Вы совершенно точно знаете, что такое «наука в традиционном понимании», «статус науки», «критерии эффективности» и т.д. и более того, создается ложное впечатление, что и в науке есть консенсус по этому поводу. Извините, но все это — вещи крайне условные, работающие по-разному в разных науках и в разных научных парадигмах, не говоря уже о локальной и временной обусловленности. Поэтому так «вещать» истину уже нельзя, хотя и удобно. Мир гораздо более скользкий, текучий, непредсказуемый, противоречивый, а уж способы его осмысления и подавно.

И еще один момент — Вы, Юрий Михайлович — образец бессознательно практикующего научный миф последовательной сменяемости одной теории другой, одной абсолютной истины следующей. Поэтому Вы и полагаете, как явствует из Вашего вопроса, что если я выступаю против чистой дескриптивности или сомневаюсь в незаинтересованности регионалистики (придуманной, как общеизвестно, специально чтобы изучать «врага») и возможности применения эмпирического доказательства к гуманитарной области, то я предлагаю их выбросить на свалку.

Я говорю совсем не об этом, а лишь указываю, что помимо этих легитимированных форм должны, на мой взгляд, иметь право на существование и иные формы гуманитарного (по)знания, параллельно с теми, о которых Вы говорите и которые были взяты из точных и естественных наук, а потом и из социальных, и насильственно наложены на гуманитарную, исказив ее смысл, задачи, формы и сделав окончательно ненужной.

Чувствуете в наших суждениях и подходах разную логику (дизъюнкцию у Вас и конъюнкцию у меня), разную модальность? Вполне возможно, что и не чувствуете,

ведь вы не гуманитарий, Вам нужен простой опыт для доказательства объективной истины, которой, увы, нет. Вы сам этот принцип не ставите под сомнение, и свои мыслительные операции налагаете на других людей, которые могут мыслить вообще-то совершенно иначе. Самое интересное, что иллюстрируемая Вами научная мифология уже давно не работает даже там, откуда она пришла – в точных и естественных науках, как было убедительно показано полвека назад небезызвестным Т. Куном.

Ю.М.: Спасибо, *Мадина Владимировна*, за такой поучительный, не лишенный назидательности и присущей Вам категоричности, ответ. То, что Вы приписываете мне, а именно – научный миф о поиске объективной истины, вовсе не вытекает из моего вопроса. Это исключительно Ваш «образ врага» каждого продвинутого гуманитария – такового сциентиста, «борца за единственную истину» и пр. Я не буду оправдываться, находя доводы в пользу того, что я – гуманитарий, но несколько иной, чем Вы и близкие Вам по духу люди. Вы призываете, с одной стороны, не «переходить на личности», а, с другой, воздерживаться от таксономий и типологий, в прокрустово ложе которых не укладывается столь «скользкий, текучий, непредсказуемый, противоречивый» мир, равно как и способы его осмысления, а сами, не скрывая легкого раздражения, навешиваете ярлыки.

Конечно, мой новый ярлык – «образец бессознательно практикующего научный миф последовательной сменяемости одной теории другой, одной абсолютной истины следующей» – верх корректности по сравнению с ярлыком «полифонического мозаика», который Вы мне присвоили ранее. Рад, что в моем лице Вы нашли, наконец, чистый вариант конструирования той самой науки, которую Вы не принимаете и сердцем, и разумом.

Лично я не против того, чтобы на мою личность «переходили» (разумеется, корректно). Это лучше, чем циничное, потребительское и равнодушное отношение к ней. Где-то я встречал выражение «одинокое сердца». Возможно, мы с Вами, *Мадина Владимировна*, – одинокие умы, блуждающие во тьме придуманных или освоенных мифов, проектов и стремящиеся вырваться в свет познания. Ведь каждый из нас идет своим путем, прокладывая самостоятельно дорогу в сферу познаваемого (и непознаваемого). Возможно, хотя бы с этим Вы согласитесь.

М.В. Юрий Михайлович, объективизм и сциентизм вытекают даже не столько из Вашего вопроса, а скорее из Ваших научных работ, которые я очень внимательно читаю в силу своих обязанностей в журнале и просто потому, что мне интересно. Это не ярлык, а констатация факта различия, это иная научная парадигма, которую Вы не осознаете именно как одну из парадигм, а присваиваете ей разряд «продвинутой гуманитарии», то есть универсализируете. А кто это, интересно, определил, что она продвинутая, а остальные – задвинутые? И полифонический мозаик – это тоже не ярлык, я сама в этой классификации, кстати, прохожу по ведомству аутиста, уж и не знаю, что симпатичнее...

Ю.М. *Мадина Владимировна!* Вы выбрали интересный способ «разбудить коллег от зимней хандры и побудить к размышлениям о самопозиционировании как гуманитариев в культуре и обществе и о будущем гуманитарного знания...», заявив в своей статье о кризисе гуманитарного знания в мире вообще и в нашей стране, в частности. Наверное, такая постановка вопроса не нова. Однако что конкретно побудило Вас обратиться к этой теме – неудовлетворенность состоянием гуманитарного знания, неправомерность распределения ресурсов между основными отрядами ученых, низкий уровень гуманитарных исследований в современной России? Или еще что-то.

М.В.: Если сказать коротко, да, все перечисленное Вами и еще многое другое. Гуманитарное знание находится в плачевном состоянии, это факт. В современной России его, можно сказать, просто нет. Проблема перераспределения ресурсов меня волнует, признаться, меньше, но это, наверное, тоже важно. Я же выбрала эту тему потому, что гуманитарные науки в отличие от социальных, давно и прочно находятся в какой-то резервации, хотя без гуманитарной составляющей никакая наука — ни точная, ни естественная, ни социальная — невозможны.

Вернее, они просто становятся опасными. Мысль далеко не новая, но по-прежнему не усвоенная должным образом человечеством и учеными в частности. В моей заметке акцент был, на самом деле, на проблеме самопозиционирования нас как гуманитариев, на необходимости размышлять над тем, что мы делаем как ученые и зачем, для чего, в чьих интересах; на необходимости не прятаться за дисциплинами, за их мнимой объективностью, а возвращать им утраченные смыслы и целеполагание, которые опять же, просто невозможны без сильного и осознанного гуманитарного заряда. В нашем журнале не так давно была опубликована статья Луиса Гордона, в которой он размышляет как раз над этим симптомом «дисциплинарного декаданса». Но подозреваю, что мало кто ее прочитал и еще меньше тех, кто в ней что-то понял или хотя бы попытался как-то примерить на себя...

Очень важно не воспринимать гуманитарную науку как набор дисциплинарных исследований и только. Это тупик. Тогда мы будем по определению барахтаться в вечных спорах по поводу методологий, критериев объективности и ограничиваться сферой провозглашенного или высказанного, а не высказывания как такового и уж тем более не высказывающегося. Ведь общество, история, человек — не обязательно именно то, что под этим подразумевается и поэтому важно разобраться как, когда и почему эти общепринятые представления были сконструированы и запущены.

А страдающие дисциплинарным декадансом предпочитают продолжать существовать на безопасной территории дисциплин, потому что именно там их провозглашение, их сфера высказывания. Так они защищаются ангелом-хранителем дисциплинарных институтов и принципов. Моя же сфера высказывания как деколонизального гуманитария рождается из моей геополитики и телесной политики знания, которые нерасторжимо, хотя и антагонистически переплетены с западными мифами и в частности, с изобретением модерности и традиции, то есть, я исхожу из экстериторности как сферы извне, созданной изнутри, из мышления и бытия в качестве расиализированного внутреннего иного. Я не имею в виду банальную политику идентичностей, но скорее идентичность в политике, укорененную в двойном сознании и в позиции утверждения своего права на гносеологическое творчество, а также сознания, что вместо того, чтобы ждать, что тебя кто-то освободит, надо самому мыслить и жить свободно, создавая своими руками собственную независимость.

Ю.М.: Вот здесь я с Вами, Мадина Владимировна, позволю себе не согласиться. Уж больно всё гладко у Вас получается. Идиллия какая-то. Ну просто, как в старые и добрые советские времена: мы рождены, чтоб были сделать явью. Не ждать, что тебя кто-то освободит, а побеждать, добиваться собственной независимости самому. Не потому ли Вы ищете свою независимость там, в основном на Западе, который критикуете за логоцентризм и пр.? Но ведь именно там, как бы Вы не скрывали это, сосредоточены так называемые «мировые стандарты» науки. Сколько бы мы не играли в «догонялки» и «перегонялки» с мировой (главным образом — западной) на-

укой, вопрос заключается в следующем: можем ли мы «изнутри» себя породить новые гуманитарные подходы, не оглядываясь на ее достижения и обрести тем самым научную независимость?

М.В. Мне кажется, Вы несколько искаженно все это понимаете, Юрий Михайлович. Пойдем по порядку. О какой идиллии здесь может идти речь? Это трагедия, а не идиллия, это повседневная напряженнейшая борьба человека, для которого основной вопрос звучит не как «что значит быть», а «что значит быть проблемой». Чувствуете разницу? Советская риторика здесь не при чем, потому что она как раз стремилась, как и вся модернность, изменить реальность насильственным путем в угоду некоей идее, выдаваемой за истину. Кстати, Вы не правильно цитируете эту песенку – не «были сделать явью», а «сказку сделать былью». Это не одно и то же. В основе советского варианта модерности как раз лежала попытка освобождения против воли. А у нас речь идет о самостоятельном освобождении мыслящего субъекта в эгалитарной коммуникации с другими такими же субъектами, человека, который отказывается принимать на веру любые истины без комментария. Ничего подобного ни в какой советской риторике быть не могло и не было, потому что она воспитывала раба.

Я не ищу своей независимости на Западе – это какая-то чисто советская интерпретация. Если бы это было так, я бы там осталась, на Западе, у меня была подобная возможность неоднократно. Но дело в том, что я занимаюсь такими проблемами, и так на них смотрю, что это не может устроить и российский и западный мейнстрим.

На Западе есть разные ниши, разные позиции, разные школы, разные источники финансирования и т.д. Естественно, я тяготею к совершенно определенной и далеко не мейнстримовской нише, которая подвергается определенным гонениям, но в силу того, что на Западе есть и другие пути и возможности выражения, имеются разные журналы, университеты с разным позиционированием, разные по научной идеологии институты и т.д., то вполне возможно публиковаться и вступать в диалог и там, естественно, оставаясь в определенных нишах.

Это вообще совершенно нормально для современной науки и мало кому приходит в голову считать, что одна научная модель или теория непременно должна сменить или отменить другую. Мне, если честно, интереснее публиковаться и вести диалог с мировым Югом, но в силу того, что денег там нет, очень часто мы этот диалог переносим на западную почву – в форме публикаций в журналах, конференций, книг. Можно сколько угодно ругать Запад, но у него, во всяком случае, хватает ума не закрывать подобные возможности, а работать с ними, давать им дышать. Не все здесь проходит гладко. Бывает и недопонимание, бывают попытки присвоения, искажения, бывают клинические случаи дисциплинарного декаданса, но в целом там все же больше воздуха, больше альтернатив, нет этой безысходной тупиковости.

Приведу пример: год назад мне написала письмо незнакомая женщина-ученый, индийского происхождения, родившаяся и живущая в США. Она прочла мою книгу о гендере на английском языке и пригласила меня принять участие в юбилейном выпуске одного известного феминистского журнала (совершенно мейнстримовского и европоцентричного), посвященном двадцатипятилетию юбилею со дня опубликования статьи Чандры Талпейд Моханти «Под западным взглядом», где впервые были поставлены вопросы неравенства, дискриминации, присвоения в отношениях западного и цветного феминизма.

Я была несколько удивлена выбором журнала, но согласилась. Десять человек со всех концов земли написали свои короткие эссе на заданную тему (нам буквально дали по три страницы, что уже попахивало дискриминацией и сартровской «дурной верой»). В итоге главный редактор журнала — эдакая тоталитарная дама, единолично определяющая его политику, отвергла наш материал по каким-то формальным основаниям, но на самом деле, конечно, потому что мы все (австралийцы, индийцы, африканцы, новозеландцы и я) доказывали, что за двадцать пять лет ничего не изменилось, и асимметрия знания осталась прежней.

В России все на этом бы и закончилось, а в нашем случае — нет. Редакторы этого материала, пригласившие нас всех в проект, написали заявку на книгу на эту же тему, разослали ее в разные американские и английские издательства и voilà, мы получили приглашение написать коллективную монографию в очень приличном издательстве, которое, в отличие от наших отечественных акул издательского бизнеса, естественно опубликует все это бесплатно... Таких случаев в моей научной жизни было много. Поэтому не стоит воспринимать Запад как единое целое, он разный внутри себя. И там есть и такие ниши, в которых можно и нужно критиковать логоцентризм, вас за это не четвертуют.

Вообще в Вашей попытке определить мои отношения с Западом на мой вкус много стереотипов. Я, конечно, понимаю, что Вы там не были, не учились, не работали, не читаете тексты в оригинале. Возможно отсюда и искажение. Но зачем мне скрывать то, что на Западе сосредоточены мировые стандарты науки? Это очевидный и общеизвестный факт. И я об этом прямо говорю в разных своих работах. Проблема совершенно в другом, в том, кто эти стандарты придумал, когда, зачем, в чьих интересах. Обнажением и развенчанием этого всего и занимается деколониальный поворот, как и другие современные направления, которых нет и, боюсь, долго еще не будет в России.

Следующая Ваша фраза вообще не понятна, если честно, особенно в свете предыдущего дискурса. В первой части — «догонялки», во второй — «проблематизация нашей способности предложить что-то свое». Я тут не вижу особого противоречия. Одно является причиной другого. Из-за того, что мы все время догоняем, нам и нечего сказать. Наше сознание колонизировано западными представлениями. А мы в большинстве даже этого не осознаем. Например, Юрий Михайлович, Вы сами ссылаетесь на какие-то мифические научные критерии, как будто их спустил сверху Господь бог.

А это ведь западные критерии? Вы что же тогда, тоже кого-то догоняете? Или уже перегнали? Шучу. Если говорить серьезно, Вы совершенно точно указали здесь на главную задачу — *«можем ли мы «изнутри» себя породить новые гуманитарные подходы, не оглядываясь на ее (западной науки) достижения и обрести тем самым научную независимость?»* Это точно и глубоко сформулированный вопрос, который показывает, что процесс деколонизации сознания у Вас уже пошел!

Я только не могу согласиться с двумя вещами — с оговоркой «не оглядываясь на достижения (западной науки)» и с обретением независимости. Объясняю почему: оглядываться на достижения надо, только не в форме подражания или «догоняния», а диалога, спора, дискуссии с западной наукой и с незападной тоже. Мы все живем в модерности и избежать ее не можем. Но это не значит, что мы должны ее попугайски воспроизводить. Можно занимать позицию несогласия, размежевания, неповиновения, расшатывания.

Замыкание только на себе, с моей точки зрения, также опасно. А с обретением независимости все сложно, потому что нужно развести внутреннюю независимость и институциональную, если хотите. Можно быть внутренне свободным человеком и в ГУЛАГе. Но вот признают ли Вашу свободу вертухаи и сокамерники, это вопрос... К сожалению, нечто подобное происходит и в мировой науке. Пока господствующие научные группы, контролирующие производство знания, а это конечно, главным образом, американцы, не позволят нам примкнуть к клубу производителей знания. В их иерархии человечества мы занимаем гораздо более низкую позицию. Есть исключения, именно те ниши, о которых я говорила выше, но в целом ситуация остается тоталитарной. Поэтому я полагаю, что мы пока должны концентрироваться на внутренней свободе и на расширении диалога с этими и подобными им западными и незападными нишами, признающими множественность знания.

Смешно сегодня претендовать на истину и доказывать свою универалистскую укорененность в той или иной дисциплинарности. Как литературный критик по первому образованию, могу Вас уверить, что любой документ, устная история, даже архивное свидетельство есть фикция, вымысел, иногда просто симулякр, который поддается миллиону интерпретаций и не обязательно является честным и искренним. Как деколониальный гуманитарий, добавлю, что мое позиционирование тангенциально, то есть, проходит по касательной, отклоняется от дисциплин как таковых и всегда отмечено эпистемологическим неповиновением, транс- и даже раз-дисциплинированием. Я совершенно никого не призываю разделять со мной эту позицию, но объясняю ее для того, чтобы ни Вы, ни кто-то еще не пытались меня втиснуть в жесткие рамки общепринятых дисциплинарных делений.

Ю.М.: У меня несколько иное отношение к артефактам, симулякрам и прочим вещам, к которым апеллирует наука. Может быть, стоит отдать их на откуп социальным наукам, которые несут на себе отпечаток позитивизма, сциентизма, дисциплинаризма и пр. Надо ли всё разнообразие знаний о человеке и обществе сводить к трансдисциплинарной гуманитарии. С другой стороны, то, что сегодня у нас называется гуманитарной наукой, вызывает недоумение. Возьмите, например, педагогику или филологию. Зачем их превращать в строгие науки и подчинять научным стандартам социальных дисциплин? Кроме того, Вы, как мне показалось, чрезмерно расширяете границы самих гуманитарных наук, включая в их предметную область представления и модели о человеке, сложившиеся в последнее столетие. Не проще ли разделить сферы влияния между двумя основными отрядами наук о человеке и обществе (социальных и гуманитарных), взяв за основу специфику их моделей — объяснение или понимание?

М.В.: Юрий Михайлович, в Вашем вопросе много всего перемешано, порой противоречивого. Давайте разбираться. Во-первых, как можно симулякры в том смысле, о котором я говорила, отдать на откуп позитивистам? Они просто не соглашались даже с фактом существования симулякров. Симулякр — это вообще чисто постмодернистское понятие и в рамках позитивизма оно не понимаемо в принципе. Это все равно, что отдать на откуп человека, разделяющего птолемеевскую систему, доводы того, кто стоит на позиции Коперника. Никакого понимания не получится!

Кто Вам сказал, что все многообразие знания о человеке и обществе надо сводить к трансдисциплинарной гуманитарии? Где Вы эту мысль вычитали? Здесь в Вас снова говорит упомянутый выше изъян модерности и ее философии науки — мысль, что якобы любая новая концепция сменяет и отменяет прежние. Наука тем и пре-

красна, что допускает самые разные школы, интерпретации, парадигмы. Они могут и должны сосуществовать и взаимодействовать. Всегда будут историки с их описательностью, социальные теоретики, которые жить не могут без всяких таксономий и таблиц, импрессионистические гуманитарии с текучим поэтическим письмом и мышлением. И это прекрасно. Не надо только судить одних по законам других! Вот ведь о чем идет речь. Нельзя сравнивать яблоки и апельсины, как гласит английская поговорка, нельзя оценивать яблоко по меркам апельсина...

Далее вы перескакиваете в Вашем вопросе вроде бы на суть гуманитарных дисциплин «у нас», надо полагать, в России? Я совершенно с Вами согласна, что гуманитария в России очень слабая, практически не существующая, я об этом говорила выше. Но потом Вы почему-то говорите о том, что не надо эти науки подчинять научным стандартам социальных дисциплин. Вот именно, не надо, я об этом же и говорю. Ведь одни – яблоки, другие – апельсины. Проблема в том, что именно социальные науки «рулят» и они определяют стандарты в журналах, рейтингах и т.д. И оттуда переключались требования, которые на самом деле совершенно одиозны для гуманитарии, для сферы понимания, а не объяснения.

Вот здесь и зарыта собака – как быть с Вашим желанием, чтобы наш журнал обрел мировой статус и вошел в рейтинги цитируемости, если эти принципы определяются не нами, и действуют для всех без разбора (и гуманитариев и социальных теоретиков, и физиков, и медиков). Если хотите играть по мировым правилам, извольте следовать этим требованиям, хотя бы формально. У меня есть ответ на этот вопрос, который я успешно практикую уже лет двадцать: формально следовать требованиям, что не отменяет возможности их осмеивания и деконструкции в процессе следования.

Я это делаю и в своих западных публикациях. Например, если это какой-то напыщенный журнал из сферы социальных наук, который требует подобных жестко структурированных аннотаций и даже иногда особой композиции статьи (была у нас такая статья с В. Миньоло в «Европейском журнале социальной теории»), то получаешь особое удовольствие от того, что формально соответствуешь этим требованиям, но между строк влетаешь иронию, расшатывание понятий, децентрацию. Умный читатель все это видит и понимает.

По поводу педагогики и филологии целиком согласиться не могу. Педагогика в тех формах, в которых она в основном бытует, как раз скорее – социальная дисциплина (хотя я бы вообще не стала называть ее наукой...). Филология очень устарела во многих своих проявлениях. Лингвистика – это вообще точная наука, а даже не социальная. Литературоведение может быть очень позитивистским и структуралистским и тогда оно тоже ближе к социальным наукам. И только небольшое число исследований внутри филологии действительно гуманитарны. У них свои научные стандарты, кстати, иногда не менее одиозные. Скажем, филологи обожают длинные примеры, цитаты, «разборы» произведений, которые засоряют их работы и лишают их всякой попытки на обобщение, концептуализацию. Они за деревьями не видят леса. И некоторая социально-теоретическая методологическая прививка им очень даже не помешала бы.

Ю.М.: Мадина Владимировна! Вы утверждаете в уже упомянутой нами статье, что в конце прошлого – начале нынешнего века гуманитарные науки стали активно вытесняться из сферы университетского образования, уступая место социальным на-

укам и технологиям. И что именно данное обстоятельство побудило некоторых гуманитариев заняться «активной трансформацией и приближением этих наук и конкретных программ обучения к нуждам современного глобального мира и человека». В этом Вы видите опасность «срачивания гуманитарии с технократическим знанием».

М.В.: Немного не так, Юрий Михайлович! Здесь нужно иначе расставить акценты. Гуманитарные науки оказались вытеснены из университета на обочину не в конце XX века, а практически сразу же после Второй мировой войны, с формированием так называемого университета Холодной войны, замешанного на регионалистике и социальных науках, которые использовались как средства изучения возможных противников.

В нашей отечественной архитектуре дисциплинарного знания это тоже отразилось очень ярко. Затем, с концом Холодной войны формируется (хотя этот процесс начался раньше) корпоративный университет, где гуманитария оказывается уже не нужна вовсе. Не вдаваясь в особенности этого типа университета, скажу только, что гуманитарии в таком ВУЗе должны либо мимикрировать под технократов, либо идти вообще вразрез с существующими дисциплинарными делениями, всячески их расшатывать, выстраивать совершенно другие генеалогии знания.

И, начиная с 1970-х годов, такие процессы тоже идут очень активно и уже привели к появлению новой когорты раздисциплинированных дисциплин. Опасность, о которой Вы говорите, я вижу именно в мимикрии гуманитарии под технократическую «агенду», в ее участии в очередном технологическом укладе в форме транс и пост-гуманистических технологий, а вовсе не в том, чтобы сделать гуманитарии более чутко реагирующей на нужды современного мира и человека. Это-то как раз необходимо. Вопрос в том, как именно это будет происходить и при помощи каких средств — технократических или гуманитарных, а также в каком направлении, с какой целью и кто все это будет определять — как всегда!

Ю.М.: Думаю, что борьбу за сферы влияния в гуманитарной сфере (как сфере производства жизненных смыслов и ценностей) мы уже проиграли. Ученые-гуманитарии давно сдали свои позиции, уступив место социальным инженерам и технологам. В лучшем случае они занимаются собственным мифотворчеством, приближая свои исследования к жанру искусства. Их диагнозы и прогнозы уже не интересуют сильных мира сего. Но нужны ли они остальным людям? Кого может заинтересовать специалист, имеющий в глазах общественности весьма сомнительную репутацию? А может дело обстоит иначе. И миссия гуманитариев заключается в создании и апробации (хотя бы на собственном жизненном опыте) моделей и схем человеческой деятельности, соответствующих потребностям обыкновенных людей, находящихся в состоянии стресса и перманентного выбора в ситуациях неопределенности?

М.В.: Этот вопрос-размышление мне нравится. Первая часть — констатация очевидного факта, который комментировать не буду. Хотя согласиться с тем, что гуманитарии заняты лишь собственным мифотворчеством, не могу. Наши отечественные — возможно, другие же — не все. Разные бывают гуманитарии. В концовке вопроса есть попытка формулирования миссии гуманитариев. Она вполне имеет право на существование, хотя мне кажется не достаточно полной, слишком общей (я не понимаю, что такое «обыкновенные люди», я таких не встречала), слишком сервисной по духу (эдакое обслуживание «маленького человека» — вот тебе, дескать, схемы, по которым легче справляться с реальностью) и реактивной по сути (нет век-

тора проективности в будущее, есть только реакция на кризис). Здесь важна и Ваша оговорка по поводу того, что создавать и апробировать все эти «схемы» надо на собственном опыте. Только это должен делать каждый нормальный мыслящий человек, а не обязательно ученый-гуманитарий...То есть, получается, что Вы тоже сводите гуманитарную сферу к аксиологии?

Ю.М.: *Возможно. Мадина Владимировна! Вслед за профессором Фрэнком Донохью Вы полагаете, что гуманитарии или гуманитарно настроенные ученые озабочены «ответственностью, высшим смыслом своей деятельности, ее нравственным или тем более воспитательным измерением и т.д.». Отсюда вытекает, что гуманитарные проблемы связаны по своему содержанию со смыслами деятельности человека, в т.ч. жизненными, гражданскими и научными. Так ли это? И в чем тогда состоит гуманитарная составляющая гуманитарных исследований? Или у них нет своей гуманитарной специфики?*

М.В.: Я бы не стала здесь непременно цитировать Донохью, потому что мысль об ответственности и нравственном измерении гуманитарии или о ее связи со смыслами человеческой деятельности слишком очевидна и даже банальна. И ее автор — отнюдь не Донохью. Акцент (и смысл цитирования его книги) был совершенно в другом, а именно в том, что бесполезность гуманитарии в современном университете еще не означает ее смерти как таковой. Ведь нормальные герои, как известно, всегда идут в обход...

Далее в Вашем вопросе звучит дисциплинарный декаданс, типичный для социальных наук. Вам хочется жестко определить предметное поле и отгородить его от ученого, а это не получается, потому что субъект и объект сливаются, меняются местами, креолизируются. Гуманитарное исследование — в принципе не совсем верный термин, потому что слово «исследование» не нейтрально, не невинно, оно предполагает именно субъектно-объектность, а настоящая гуманитария, на мой взгляд, от этого должна отходить в контексте этики постразличия.

Гуманитарная составляющая гуманитарии — качественно та же, что и у других наук, но в гораздо большей степени проявлена, потому что требования к гуманитарии значительно выше. Он по определению должен понимать больше, чем «технар». И воплотить адекватно эту составляющую именно внутри гуманитарии еще сложнее, потому что одно дело изучать бабочек (хотя мы же их не спрашиваем, нравится им, что их изучают или нет), а совсем другое — людей, да еще так, чтобы не нарушить их права на субъектность, на различие. Еще один важный момент — изменить сами гуманитарные науки так, чтобы они от изучения инаковости перешли к изучению совместно с иным(и) тех или иных проблем, актуальных для разных иных. Вот это сложнее всего воплотить в реальном гуманитарном праксисе.

Ю.М.: *Возможно, я заражен вирусом дисциплинарного декаданса и еще чем-то, но и Вы, Мадина Владимировна, не лишены тяги к сциентизму гуманитарного толка. У меня складывается впечатление, что Вы претендуете на утверждение особого статуса гуманитарии, не беря на себя ответственность за ее нынешнее состояние, а предлагая нормативное видение. При этом Вы знаете, что и как должно быть, но не можете объяснить то, почему происходит иначе. Кроме аргументов идейной отсталости и разобщенности отечественной гуманитарии, Вы проявляете убежденность «в реальном гуманитарном праксисе». А кто является его субъектом (субъектами), как не ныне отсталые и убогие отечественные гуманитарии?*

Что касается Вашего почти навязчивого неприятия различия «субъект-объект», то здесь тоже всё не так просто. Я не знаю, что в точности означает Ваше (и не только) «постразличие». Но могу предположить по контексту, что оно обнаруживается в ситуации, когда мы изучаем «совместно с иным(и) те или иные проблемы, актуальные для разных иных». Мне почему-то кажется, что антропологи, изучающие иные культуры, уже давно этим занимаются и им не надо изобретать заново «этику постразличия». В Вашем представлении такие антропологи являются гуманитариями, а не социальными исследователями. Кроме того, в данной этике заложена подводная бомба — неравенство жизненных шансов и уровней компетенции изучаемых и изучающих. Все они, по Вашим словам, иные, но одним заведомо уготована роль испытуемых (а не реальных партнеров), а другим ведущая позиция. Не может человек, имеющий ученую степень и соответствующую профессиональную подготовку, играть на равных с другими иными, которым остается поневоле роль «подготовишек» и «воспитанников». Получается банальная ситуация. Это так, если бы профессиональные агрономы предлагали овощеводам-любителям следующее: давайте на вашем огороде и за ваши средства вырастим гигантскую репу, а если урожай будет обильным, то мы его вместе и съедем. Не честнее ли каждому заниматься своим делом?

М.В.: Снова всё несколько искажено. Попробуем распутать Ваш клубок. Во-первых, Вы как-то очень лично воспринимаете мысль о том, что в Вас говорит дисциплинарный декаданс. Ничего обидного в этом нет. Это особенность сознания и та научная логика, которой Вы следуете. И всё. Если Вам там хорошо, живите там и дальше. Но вообще-то такой переход на личности — нехороший признак, он обычно появляется там, где человеку нечего сказать по делу. Пойдем дальше. «Сциентизм гуманитарного толка» — это, простите, вздор, его не существует в природе, потому что сциентизм по определению отрицает гуманитарность! Мы на предыдущих пятнадцати страницах как раз это и обсуждали с Вами.

Бог знает, почему у Вас «складываются впечатления», что служит их спусковым крючком, но во всём, что я говорила прежде, как раз наоборот звучит критика гуманитарной сферы, ее несостоятельности, того, что она сдала свои позиции и позволила сциентизму завоевать мир и научный мир в том числе. А особенность статуса гуманитарии, по-моему, очевидна — это аксиология, без которой нет человека. Я естественно говорю о том, к чему надо стремиться, а не о том, что есть на самом деле. Хотя печальный диагноз и его причины также рассмотрены в моей редакционной статье, как и в десятке других работ.

Дальше в Вашем вопросе начинается какая-то неразбериха. Вы обвиняете меня, что я не беру ответственности за нынешнее состояние гуманитарии. А с какой стати я должна это делать? Я в своих работах как раз осознанно избегаю перечисленных синдромов гуманитарных наук, приведших к их агонии, и по этой причине, кстати, многие гуманитарии меня не приемлют. Я вообще не верю в то, что в современной науке возможна некая коллективная ответственность за что бы то ни было. У нас же не колхоз, слава Богу...

Кроме того, как и всякие другие, гуманитарные науки — всего лишь предметная сфера. А серьезный научный результат и разговор начинается не с нее, а с интерпретации, с точки зрения. Вот здесь можно говорить об ответственности и здесь, в своей сфере и в рамках деколонизального выбора мы и я лично несем ответственность за то знание, которое производим.

Но мне сдается, что Вы говорили о российской гуманитарии. Простите, с ней я себя не ассоциирую, и за ее убожество ответственности не несу! И говорю по большей части не о ней, например, когда пытаюсь размышлять о реальном гуманитарном праксисе. Таких думающих гуманитариев в мире много, они — реальные субъекты гуманитарного праксиса.

Далее Вы меня обвиняете в том, что я не могу объяснить, почему происходит иначе. А отчего это Вы так решили? Если это надо, то могу и объяснить. Я просто считаю, что причины достаточно очевидны, обсуждены в сотнях публикаций, а говорить банальности, повторяться и тратить на это страницы в журнале нецелесообразно. Я сознательно перескакиваю через этот описательный элемент, чтобы представить на основе его осмысления (которое прошло у меня в голове, а не на страницах статьи) некую, на мой взгляд, приемлемую модель.

По поводу неприятия субъектно-объектности и постразличия, тут, боюсь, Вам несколько не хватает теоретической подкованности и знакомства с научными дебатами, которые проходят в мире по этим вопросам. Слишком много придется мне сейчас объяснять, проще сначала Вам прочесть десятка два книг и статей, а потом уже разговаривать... То, что Вам кажется, что антропологи, изучающие другие культуры, уже давно занимаются *«изучением совместно с иным(и) тех или иных проблем, актуальных для разных иных»* — к сожалению, глубокое заблуждение, потому что сама антропология выросла из совершенно иного и далеко не невинного импульса (на этот счет давно существует огромный корпус серьезных исследований, неизвестных в России) и только некоторые из ее сравнительно недавно появившихся видов — например, антропология участия, отчасти пытаются справиться с проблемой объективации иного, его присвоения и искажения. Но даже у них это пока плохо получается.

То есть, мне кажется, Вы отождествили две совершенно противоположные позиции, не очень понимая, в чем они состоят. Может быть, я ошибаюсь, но так получается из Ваших слов... Дальше Вы сделали странный вывод о том, что такие антропологи в моем представлении являются гуманитариями, а не социальными исследователями. Какие это «такие», не очень понятно, а уж о том, что антропологи — это гуманитарии я и вовсе нигде не говорю. Антропология, на мой взгляд, — вообще не гуманитарная дисциплина, во всяком случае, в своих общепринятых формах, которые Вы любите публиковать в «ЛКО» — все эти Рэдклифф-Брауны, Малиновские и прочие пронатафталиненные персонажи. Так вот они — не гуманитарии. Это не плохо и не хорошо, а просто факт.

Концовку Вашего размышления я, честно говоря, не могу понять вообще, на мой взгляд, она внутренне противоречива. С одной стороны, Вы защищаете «эксперта» со степенью, который, как Вам кажется, заведомо даст фору тем, кого он изучает. С другой стороны, в конце Вы приводите аналогию нечестных агрономов, которые хотят за счет дачников проводить свои агро-эксперименты.

Первый довод понятен — это вполне дежурная защита всех «дисциплинарников», тоже много раз оспоренная, и даже как-то неудобно все это повторять — и то, что наличие степени и профессиональной подготовки не гарантирует понимания, и то, что изучаемые могут тоже обладать такими, а может и лучшими степенями, а не обязательно бегать голышом по джунглям, как этого хотелось бы уважаемому эксперту, и то, что плюс к этому обожеествленному западному образованию они обладают еще чем-то, облегчающим понимание и делающим его стереоскопическим, что

эксперту в принципе не доступно и т.д. Повторяю, все это уже давно написано и усвоено научным сообществом, хотя и не в этой стране...

А этика постразличия – это уже устоявшийся термин, объяснять который в интервью я тоже не буду, поскольку это требует по меньшей мере нескольких страниц и предварительной подготовки читателя (надо, чтобы он элементарно был знаком с определенными трудами на эту тему). Скажу только, что она как раз направлена на устранение «неравенства жизненных шансов и уровней компетенции», если воспользоваться Вашим языком.

Вообще же здесь речь идет совершенно не о дихотомии профессионала и любителя, как Вы подумали, а скорее о коммуникации западного эксперта, находящегося в тисках определенных правил и изымающего свое «Я» из анализа, и незападного субъекта, который сознательно размежевывается с этими правилами (хотя при этом хорошо их знает и видит их изъяны), который сам является частью той культуры, которой занимается как исследователь, чья телесная политика и геополитика знания обуславливают его понимание, но в отличие от западного или рядящегося под западного эксперта, он не стремится скрыть это обстоятельство, а работает с ним творчески и критически.

Ю.М.: Спасибо, Мадина Владимировна, за столь подробный разбор моих «полетов» (читай – размышлений). Я Вам искренне благодарен за возможность приобщиться к гуманитарному дискурсу и праксису. Вряд ли, конечно, я буду читать книги, которые Вы мне рекомендовали. Их авторы не входят в мою референтную группу. Ваше снисходительное и несколько высокомерное отношение к тем, кто не знаком с их работами, здесь не работает. Вы же сами настаиваете на том, что каждый вправе заниматься своим делом. Но по ходу Вашего ответа я лишний раз убедился, что у нас с Вами, действительно, разные логики. А потому не буду приводить в свою очередь Ваши противоречия и вдаваться в дискуссию. Она, на мой взгляд, бессмысленна в данном случае.

М.В. Юрий Михайлович, тут есть один важный нюанс. Я вовсе не предлагаю Вам читать только работы, которые стоят на сходных со мной позициях. Я имею в виду необходимость быть в курсе *всех* новых тенденций, даже если Вы с ними не согласны – для поддержания диалога, для того, чтобы понимать, куда движется наука, даже если Вам это не очень нравится. Мне кажется, что для современного учебного это необходимо.

Например, я совершенно не согласна с неомарксизмом в духе Хардта и Негри, но тем важнее прочесть и критически оценить их мировые интеллектуальные бестселлеры, которые очень сильно влияют на глобальное научное сознание сегодня. Конечно, подробно разбираться в мало интересных для Вас вещах не стоит. Но представлять эти тренды все же, на мой взгляд, надо, именно для того, чтобы у ученых был общий герменевтический горизонт. Тогда Вам будет и так понятно, без моих разъяснений, что имеется в виду под этикой постразличия. Это не значит, что Вы ее должны непременно разделить. Но Вы будете знать, о чем идет речь, и тогда полемизировать будет легче.

Ю.М.: Мадина Владимировна! Одной из возможных перспектив развития человечества, когда игнорируются гуманитарные проблемы, Вы считаете воссоздание особой породы избранных людей (транс- или пост- людей). А может быть это и есть главная цель гуманитарного развития человека, его превращение в транс-человека?

М.В.: Надеюсь, что вы не имеете в виду то, что говорите, Юрий Михайлович, вернее, может быть, не до конца осознаете, что за понятием транс- и пост-человека тянется шлейф определенных и не слишком аппетитных коннотаций. На самом деле, во всей своей физикалистской упрощенности, трансгуманизм представляет собой всего лишь еще один вариант таксономизации человечества, разделения на привилегированных и изгоев. Отличие лишь в одном – в радикальном применении современных технологий для окончательного закрепления высокого или низкого онтологического статуса или, проще говоря, отнесения либо к людям, либо к недочеловекам, как раньше относили к сфере *anthropos* или *humanitas*. Если привычный, знакомый всем расизм не в состоянии предложить научно убедительных оснований для классификации человечества, то применение микрочипов, внешней памяти, крионики и всяких киборговских гаджетов уже ощутимо сделает людей разными.

Но кто будет решать, кому из нас дарована вечная жизнь и право вживить себе дополнительные память и способности, а кому нет? Те, в чьих руках власть и деньги, а они, как мы с Вами знаем, не обязательно отличаются высокими нравственными принципами, «хорошей верой» в сартровском смысле, или даже элементарным высоким интеллектом. Так что транс- и пост-человек для меня – это мрачная дистопия. Кстати, именно из третьеразрядной научной фантастики все это и выползло в свое время на свет божий. Но я надеюсь, что Вы-то имеете в виду под транс-человеком не эти общепринятые вещи, а что-то свое, возможно, связанное с Вашим увлечением трансперсональностью?

Ю.М.: Уточню свой вопрос, *Мадина Владимировна*. Конечно же, я не разделяю принципов трансгуманизма и всех мрачных прогнозов, связанных с его представлениями о человеке будущего. Но мне показалось, что Ваша модель постразличия, согласно которой (если я Вас правильно понял) мы совместно с другими иными решаем проблемы, актуальные для разных иных, близка к идее трансперсональности как состоянию взаимопроникновения и взаимообогащения субъектов. Но Вы предлагаете совершить лишь первый шаг в этом направлении: понять друг друга и сообща решать сходные или типические проблемы, сохраняя при этом субъектность каждого.

Следующий и более важный шаг в моей концепции трансперсональности заключается в том, чтобы сознательно и добровольно отказаться от своей субъектности в пользу не только других иных, но и обобщенного образа Другого, в котором и посредством которого воплощаются наши лучшие черты и способности. Ведь каждый из нас мало чего собой представляет сам по себе, без опоры на коллективный опыт. И когда мы, готовя научные (или околонучные) тексты, цитируем других авторов или опираемся на их точку зрения, мы умножаем свои возможности, приближаясь к анонимному образу Другого, принадлежащему одновременно каждому из нас в отдельности и всем нам вместе.

Я не хочу поддерживать постмодернистские идеи относительно смерти субъекта вообще и смерти автора, в частности. Для меня обобщенный Другой является вполне реальным субъектом, который формируется мною совместно с близкими мне по духу (а не только по убеждениям) людьми, занимающими чаще всего позицию в науке, отличную от моей. Но вместе мы образуем не целостность нового порядка или иного качества, в чем можно было бы меня заподозрить, а комбинацию возможностей, в том числе и главным образом возможностей быть Другим (и), оставаясь при этом самим собой. Последнее свойство или состояние я и называю аутентичностью, т.е. способностью

человека сохранять свою субъектность (самость в моем понимании) в любой ситуации взаимодействия с людьми и иными сущностями. Одним словом, образ обобщенного Другого соткан из образов разных иных, которые дополняют и умножают мою самость, делают меня и шире (в экзистенциальном плане) и глубже или выше (в трансцендентальном смысле). И всё, что я могу привнести субъективного в этот образ, так это то, что без меня, без моего личного участия в сотворчестве он был бы другим. Однако назвать его своим именем, а значит присвоить, я уже не могу. Каждый раз он ускользает от меня, как только я пытаюсь его определить в привычных или знакомых мне терминах и наделить собственным содержанием, не свойственным ему изначально.

Следовательно, трансперсональность я понимаю как способ порождения нового опыта и знания путем проникновения в пространство (жизненные миры) других иных и формирования на этой основе не образа обобщенного Другого, который я разделяю и поддерживаю с некой совокупностью людей в процессе совместной деятельности, а локально-общего единства.. От интересубъективности она отличается отсутствием коллективных представлений или рабочих определений, нормативных экспектаций, которыми мы наделяем нашу совместную реальность. Поэтому этот образ не обладает регулятивной функцией и интегрирующей силой. Он не сводится также к сумме индивидуальных интенций и установок, выражающих некую равнодействующую линию. Он не лежит на поверхности нашего сознания, а скорее погружен в глубины бессознательного, выступая вместе с тем сосредоточием совместной опыта двух и более людей.

Другими словами, трансперсональность в отличие от интересубъективности не является свойством коллективного субъекта или группы индивидуальных субъектов, а находится в пространстве, локализованном между субъектами или над ними. Это — не совместное бытие, а между-бытие, пограничная или «сквозная» реальность, существующая мимолетно, фрагментарно и ситуативно. О ее присутствии мы узнаем лишь косвенным образом, например, когда обнаруживаем, что в ходе нашего взаимодействия рождаются новые смыслы, которые не становятся чьей-то конкретной собственностью (их нельзя присвоить) и в то же самое время общим достоянием. Они открываются лишь немногим субъектам, способным перешагнуть порог своего сознания и оторваться от культурных уз.

Так что мое увлечение трансперсональностью, которое не проходит вот уже несколько лет, связано с некоторыми новыми, ранее не осмысленными и не искаженными до конца возможностями этого концепта и стоящего за ним подхода. Я не случайно привел детальное пояснение своей позиции или концепции. Честно говоря, Мадина Владимировна, я не совсем понимаю, что, кроме общей неудовлетворенности качеством гуманитарных наук, стоит за Вашей позицией. Мне бы хотелось от Вас услышать краткую характеристику Вашего подхода, с точки зрения которого можно осмыслить ситуацию, сложившуюся в области гуманитарии.

М.В.: Про концепцию трансперсональности в Вашем исполнении я слышала, она по-своему интересна, хотя и имеет мало общего с оригиналом — трансперсональной психологией. Последняя — достаточно маргинальная и быстро сошедшая на нет и так никогда серьезно не принятая наукой отрасль психологии, поднявшаяся на гребне бурных шестидесятых с их хиппи, Нью Эйджем, ЛСД, декоративной протестностью, увлечением иными культурами и мистическими духовными практиками. По сути своей трансперсональная психология была, кстати говоря, аналогом постколониальных исследований в том смысле, что она присваивала запад-

ное духовное знание и чтобы сделать удобоваримым и приемлемым, переводила его на язык западной науки.

Из Вашего исполнения трансперсональности ушел этот элемент обращения к древнему мистическому знанию из разных традиций и поиск параллелей и сходств между ними (пресловутая *philosophia perennis*), в нем почти не звучат мистические пост-юнггианские откровения в духе Станислава Грофа, зато в большей мере прорывается интегративность в духе Кена Уилбера, приведшая его, в конце концов, к выходу из школы трансперсональности и к ее довольно жесткой критике. Мне кажется, что Вы в своей интерпретации трансперсональности близки скорее к ее прикладным пост-формам, в которых работа с духовными практиками превращается в социальную работу, консультирование, разного рода бизнес-проекты и т.д. Это объективно.

А если говорить о моем отношении, то меня трансперсональность «не греет», мне она ничего не говорит, для меня она остается абстрактным жонглированием словами и избеганием артикуляции любых четко определяемых смыслов, которые были бы связаны с Вами лично, что я полагаю необходимым в любой научной позиции.

Идея коммунитарного субъекта и коллективного разума, как комбинации возможностей реализации инаковости в принципе не нова, хотя в Вашем исполнении, основанном на переплетении элементов трансперсональной психологии, пост-экзистенциализма, немецкой романтической философии, прагматизма и еще нескольких вполне узнаваемых элементов — выглядит вполне симпатично.

Но для меня личностное самовыражение, понимаемое как выполнение именно своего долга перед чем-то высшим (не обществом, а гораздо более трансцендентным измерением), — важнее, чем любые объединения и коммунитарности, даже такие туманно-виртуальные, как Вы представили. Ну не верю я в них! Обобщенный или анонимный образ Другого, о котором Вы говорите, я тоже принять не могу, он для меня слишком абстрактно-универсалистский, слишком онанистический, если хотите, уводящий от реальных проблем реального мира, от конкретных проблем асимметрии и присвоения знания, словом, от всего того, о чем Вы говорить не хотите, потому что это неудобно и не принято.

Я же смотрю с другой колокольни, потому что я и есть вполне настоящий живой другой, а не абстрактный и не обобщенный. В коллективный опыт и тем более в опору на него в личном выборе в реальной современной жизни, в том числе и научной, я тоже не верю. Это — некая идеальная модель. Но я, естественно, ничего против нее не имею. Пусть цветет! Кстати, то, что Вы так красиво описали, во многом реверберирует с позициями постмодернизма, хотя Вы так отрещиваетесь от него. А сами говорите во многом об этом же и в тех же представлениях. Может быть, не стоит так бояться постмодернизма? Или здесь сказывается то, что Вы принадлежите к среднему поколению в науке, как Вы сами считаете, и потому связь с традициями и с мнениями генералов (ненавидящих постмодерн), для Вас все же значима?

Конец Вашего вопроса странен. С чего-то Вы взяли, что у меня была задача в журнальной заметке формулировать свою позицию в отношении науки и дать рецепты ее улучшения? Это было бы странно, если не сказать больше. Задача была совершенно иная — найти некую тему, которая бы могла связать хотя бы часть крайне разношерстной читательской аудитории и быть значимой хотя бы в какой-то мере для нее, а кроме того затронуть проблему журнала и его места в производстве зна-

ния, в данном случае, гуманитарного, на котором я остановилась потому что считаю себя гуманитарием и не хочу намеренно лезть в чужие сферы.

Проблема кризиса гуманитарии, выбранная мной для заметки, несомненно, удовлетворяет всем этим требованиям. А свои позиции как ученого я выражаю обычно в монографиях и научных статьях, а не в редакционных заметках. Многие из этих статей были опубликованы в «ЛКО», к ним и отсылаю читателей и Вас, потому что в интервью места для повторения всего этого явно не хватит. Моя позиция как деколониального ученого не имеет отношения к редакционным заметкам. Я эту свою позицию не намерена рассматривать как руководство к действию для всех, не собираюсь никому навязывать. Это было бы странно и невозможно, ведь телесная политика знания и геополитика знания у нас у всех разная, отношение к модерности/колониальности, роль в ней – тоже, генеалогии знания редко пересекаются.

Поэтому даже такой расплывчатый и осторожный универсализм, как Ваша трансперсональность все равно, с моей точки зрения, работать не будет иначе как насильственным образом, и не для всех, поэтому останется еще одной концепцией и только. В современной науке и журнальной культуре давным-давно прошло время идеологических редакционных статей, задающих векторы развития на будущее. Это же не газета «Правда». Ну, смешно все это выглядит, поверьте. Всё равно Вы останетесь трансперсоналистом с некоторыми оговорками, я – деколониальным гуманитарием, кто-то еще – классическим антропологом, а другой – философом-метафизиком. Реальность и ее осмысления многообразны и все эти позиции могут и должны сосуществовать, а задача журнала – дать им такую возможность без навязывания какой-то одной позиции, даже такой замечательной как трансперсональность.

Ю.М.: С последним из Ваших высказываний трудно не согласиться. Я также выступаю за разнообразие научных и личных масок. Главное, чтобы те, кто их носит или присваивает, отдавали себе отчет в том, чем они занимаются и зачем им это нужно. Лично я, решая собственные экзистенциальные и трансперсональные проблемы, вовлекаю в свой оборот элементы разных (научных и не научных) теорий и подходов. Мои схемы и таксономии – побочный продукт деятельности. Что из этого получится, трудно судить. Я не уверен, что это нужно оформлять в виде «строгой» научной теории. Я вообще ни в чем не уверен, кроме факта собственного существования в период сознательной жизни. И поэтому я веду себя порой как ленивый пирожок с вполне аппетитным содержимым, который не хочет, чтобы его съели при жизни. А жизнь у него не столь долговечна. Не правда ли, весьма странная модель поведения кондитерского изделия, предназначенного для употребления в свежем виде? Однако лучше черстветь телом, но не духом. И не давать себя съесть или оболванить. Предпочитаю сохранять в себе остатки разума и здравого смысла в условиях нашей действительности, оставаясь в стороне от тех, кто заражен вирусами своекорыстия, потребительства и вседозволенности.

Одно замечание по ходу нашего диалога, которое не предполагает Вашей реакции. Так, размышление вслух. Не буду комментировать Ваши соображения по поводу моей версии трансперсональности. В них есть рациональное зерно. Однако Ваше заявление о том, что Вас такая трансперсональность «не греет», что она Вам ничего не говорит и для Вас остается ничем иным, как абстрактным жонглированием словами и избеганием артикуляции любых четко определяемых смыслов, вряд ли правомерна. Вы не верите в анонимного и обобщенного Другого и коллективный разум. Хотя в моих высказываниях

нет отождествления трансперсональности с обобщенным Другим или коллективным бытием субъектов, не буду спорить. Мне, как и Вам, чужды любые насильственные формы и проявления социальных объединений и коммунитарности, в т.ч. туманно-виртуальные.

Трансперсональное — это состояние становления, предшествующее акту интеграции, объединения. Это — возможность быть другими и действовать иначе, чем предписано социальными нормами или пресловутыми требованиями коллектива. Но отрицая значимость проблемы трансперсональности для себя, Вы далее утверждаете, что для Вас «личностное самовыражение, понимаемое как выполнение именно своего долга перед чем-то высшим (не обществом, а гораздо более трансцендентным измерением), — важнее, чем любые объединения и коммунитарности». Не это ли утверждение служит признанием и откровением истинного трансперсоналиста. Только для Вас это «высшее» находится где-то там, на небе, в Боге или кем-то еще, а для меня оно существует между нами, между нашими жизненными пространствами и мирами. И где же здесь насилие над другими или насильственные способы производства знания?

На мой взгляд, именно Ваше «высшее», трансцендентное и выступает источником такого насилия, поскольку Вы испытываете необъяснимое для меня чувство долга перед ним? Вы ведь с ним, а с не обществом, в т.ч. научным, сверяете свои мысли и поступки. Честно скажу, это — слабый пункт Вашей программы, если таковая вообще существует. Ведь Вы наверняка ответили бы мне, что это я, а не Вы, живу и работаю в рамках программ, схем и таксономий. Оказывается, и Вы не лишены трансперсональных интенций, коль скоро апеллируете к доводам трансцендентального идеализма. И что же тогда означает Ваше «высшее», как не одну из универсалий метафизического плана? Значит, Вам можно так мыслить, а мне нельзя. Точнее, моя трактовка трансперсональности, чреватая (что не удивительно) «осторожным» и «расплывчатым» универсализмом (а как же еще у меня может быть иначе), а не таким откровенным и вполне очевидным трансцендентализмом, как у Вас, останется еще одной концепцией, а Ваша нет.

По-видимому, я в Вашем воображении излучаю насилие и в связи с этим склонен навязывать свою концепцию трансперсональности другим людям, в т.ч. членам редколлегии нашего журнала. А это недопустимо. Пусть уж лучше будет деколониальный поворот. Кстати, лично я не буду возражать против того, чтобы иметь о нем серию публикаций в журнале. И не только потому, что в этой исследовательской программе я нахожу немало подтверждений своей версии концепции трансперсональности.

М.В. Ах вот значит, как Вы сами себя таксономизируете — ленивый пирожок! Самокритично, мне это нравится. Хотя думаю, что здесь Вы к себе слишком строги. Не буду подробно отвечать, но только скажу, что под трансцендентным я понимаю нечто иное, нежели это принято в западной философской традиции. Я просто воспользовалась этим словом, чтобы Вам было понятнее, о какой сфере примерно идет речь, это такой герменевтический шаг в сторону ученого, воспитанного на определенном наборе авторитетов, который мне известен, хотя я его и не разделяю. На моем языке сфера трансцендентного называется и определяется иначе и описывается скорее понятием delinking (размежевания, превосхождения).

Ю.М. Мадина Владимировна! Из Ваших слов получается, что основная миссия гуманитария исключительно аксиологическая. А в чем же тогда заключается его научное призвание? Неужели только в описании и интерпретации фактов человеческого поведения? Ведь у «естественника» имеются и другие научные (фундаментальные и прак-

тические) функции, в т.ч. объяснение и предсказание. Предвижу заранее Ваш скепсис по поводу вновь заявленной мной таксономии.

М.В.: А почему, Юрий Михайлович, нужно обязательно так жестко отделять аксиологию от науки? И возможно ли это вообще? Я-то как раз думаю, что это очередная аберрация мышления естественных и социальных наук, ловко натурализованная в общественном сознании. Она отмечена определенным типом рациональности (весьма уязвимым), некоей радиодицеей, определенной трактовкой понятия научности (также далеко не абсолютной), почти обожествлённой объект-субъектностью, «хюбрисом нулевой точки отсчета» и еще рядом характерных ересей модерности и ее «научного» сознания. Как раз описывают факты, как правило, не гуманитарии, или скажем, не настоящие гуманитарии, а те, в кого они превратились в результате насильственного применения к гуманитаристике чуждых ей принципов.

Но и в гуманитарных науках произошли и происходят изменения. Появились структурализм и постструктурализм, постколониальная теория, постконтинентальная философия, субалтерные исследования, деколониальный поворот, *Philosophia Africana* и еще целый ряд новых направлений. Интерпретация же, которая у Вас идет по ведомству описательности, это на самом деле вещь совершенно иного порядка. Это гуманитарная форма объяснения, по определению более сложная, неоднозначная, порой субъективная и релятивная и тем и интересная, я бы сказала, более интересная, чем позитивистское объяснение естественных и отчасти социальных наук.

Слово «предсказание» в данном контексте мне, если честно, совсем не нравится. От него веет теми же мистико-эзотерическими ароматами, что и от эгрегора, который Вы упомянули в начале нашего разговора. Так и представляю себе цепь держащихся за руки членов редколлегии «ЛКО», камлающих свой коммунальный «ментальный конденсат» и предсказывающих будущее человечества. Шучу!

Ю.М.: *Да, шутка у Вас явно не добрая. Судя по всему, отрицать легче, чем понимать, даже в иронической форме. И я не всегда уверен, что Вы точно знаете, где находится порог уважения к другим иным и самоуважения. Ваша категоричность напоминает мне временами дробильную машину. Не хотелось бы под нее попасть. К тому же мой эгрегор — чисто условный термин, за которым ничего не стоит, кроме определенной ассоциативности. Вы же сами часто говорите о свободе воображения.*

М.В.: То есть, мы все в обязательном порядке должны разделять Ваши термины и метафоры? А если нет, то нас надо сразу же обвинить в невоспитанности? Вы знаете, Юрий Михайлович, это такой дежурный подход, с которым очень часто приходится сталкиваться (принцип «сам дурак») и на эту тему так уже много написано, что скучно даже заводить эту шарманку снова. Вам же не приходит в голову, что Вы все время меня оскорбляете. Я не обращаю внимания, потому что у меня за долгие годы бытия «чужим» выработался к этому иммунитет, но факт остается фактом...А вообще, я знаете, редко говорю серьезно. У меня как у любого трикстера дискурс с двойным дном. Просто я не всегда обозначаю, где именно я шучу...

Ю.М.: *Постойте. И извините, если я Вас ненароком оскорбил. Пусть это был обмен шутками. Игра «сам дурак» придумана не для нас с Вами. Мы — одинокие умники, если, конечно, последнее выражение не оскорбляет Ваше достоинство. Одинокие в том смысле, что каждый идет своим путем, невзирая на понимание (или непонимание) других. И вовсе Вы не обязаны принимать мои условные термины и метафоры. Да Вы соб-*

ственно и не принимает их. Я уже рад тому, что Вы соотноситесь с моей позицией со своей колокольни.

К тому же в нашем споре я вижу один несомненный позитивный момент. Ваш опыт «трикстера» и моя трансперсональность позволяют поднять планку диалогичности, которой так не хватает большинству журнальных интервью, в т.ч. многим из тех, которые опубликованы в нашем журнале. Мне кажется, что не надо избегать «перехода на личности» при условии соблюдения межличностной дистанции, особенно в нашем с Вами случае. Иначе как нам удастся понять друг друга и сделать наш диалог интересным для читателей. Ведь я даже представить себе не могу подобный стиль диалога с официальными руководителями науки, которые отгородились от научного сообщества своими чинами и званиями, защищая честь мундира. С ними диалог вообще невозможен, а сухой отчет о достижениях и мероприятиях вряд ли будет интересен вдумчивому и пронизательному читателю.

Поэтому далеко не с каждым представителем гуманитарной науки я могу, как с Вами, вступить в «глубинную» полемику, в которой выявляются некоторые смысло-жизненные основания собеседников. Чтобы добиться такого взаимопроникновения, я вынужден постоянно «вызывать огонь на себя», что нередко и происходит в нашем сегодняшнем разговоре, атмосфера которого временами накаляется до предела.

Не стоит также так однозначно и несколько нарочито интерпретировать мои комментарии к вопросу. Я вовсе не против существования гуманитарии на ее собственных, а не привнесенных извне (из естественных и социальных наук) основаниях. Но меня смущает «вторичный» или «производный» характер современной гуманитарной науки. Она трансформируется в последние десятилетия в оппозицию западноцентризму с присущими ему рационализмом, сциентизмом и пр. Этим можно объяснить названия многих гуманитарных направлений, появившихся в последнее время. Не случайно они возникают в странах «третьего мира», если здесь уместно такое выражение.

Кризис западной науки сопровождается ростом незападных (а чаще всего — анти-западных) концепций и моделей. Кстати, все те подходы, которые Вы перечисляете, несут на себе отпечаток отрицания ценностей всего западного мира (пример — деколонизальный поворот). Может быть, дело обстоит в присущей Вам оппозиционности, характерной для представителей культурных меньшинств и малых народов, не обладающих, как известно, самостоятельной культурной миссией в мире?

Но как тогда можно объяснить то, что Вы регулярно публикуетесь в западных изданиях, выступаете в западных университетах, игнорируя зачастую отечественные научные площадки? Неужели Вы надеетесь их переубедить и сломить их картину ценностных ориентаций и приоритетов? Не кажется ли Вам, что если они откажутся от них или хотя бы на миг в них усомнятся, то в какой-то момент истории вообще перестанут быть сколько-нибудь влиятельным экономическим, военно-политическим и культурным центром мира?

И может быть причина Вашей личной научной активности состоит в другом: в стремлении к символически значимым ресурсам, в т.ч. престижным научным изданиям, которые сосредоточены в США и других западных странах? Где же еще услышат Ваш голос или протест, если не там? Возможно, поэтому Вы не желаете участвовать в играх в «догонялки» и «перегонялки», в которых погрязло отечественное общественное сознание. Вы хотите быть в центре внимания и играть серьезно, по взрослому, а не заниматься научной самодеятельностью, как большинство из нас. Правильно ли я Вас понял?

М.В.: Нет, по большей части не совсем правильно. Давайте попробуем все это распутать и сменить некоторую черно-белость Вашего вопроса на что-то более разноцветное. Во-первых, отделим божий дар от яичницы. Вы почему-то отождествляете западные дискурсы с гуманитарией. Это, вообще-то не одно и то же! Та же постколониальная теория, которую я, кстати, совершенно не разделяю, не целиком гуманитарна. В ней экономика, антропология и социология занимают одно из центральных мест. Так что требование судить гуманитарии по ее канонам — это одно, а антизападность ряда новых дисциплин — иное. Поэтому говорить о вторичности всей гуманитарной сферы неправомерно. Она разная.

Теперь обратимся к яичнице. Вас смущает производность западных течений в гуманитарной науке. Простите, но и в западной мысли всё, написанное в последние 40-50 лет, вторично и производно. Это связано с глубинными сдвигами в философии науки и со сменной парадигм. Весь западный постмодернизм в этом смысле вторичен и производен, хотя ничего плохого в этом нет. Вы же составляете свои теории в том же постмодернистском модусе из элементов знакомых Вам, чаще западных, хотя и довольно уже давно известных концепций? Ваша трансперсональность — яркий тому пример.

Оспаривающие Запад гуманитарные направления вовсе не обязательно возникают в третьем мире. Практически все они за очень небольшими исключениями — как раз продукты мира первого, мирового Севера, либо диалога и спора с ним. Тут — элементарная неосведомленность, но и желание все отрицать, не вполне понимая то, о чем идет речь. Например, Вы навесили ярлык антизападности на деколониальный поворот. Это — грубая ошибка и непонимание того, что мы делаем. Давно прошли времена афро-центризма и тому подобных идеологий осажденной крепости. Не хочется снова повторяться, но приходится: мы — деколониальные интеллектуалы — не зовем назад в прошлое и прочь от модерности к некой выдуманной нами примордиалистской архаике, которой не существует.

Здесь налицо еще один синдром модерности и ее научного мышления — выдуманная оппозиция модерности/традиция, которая натурализована в сознании большинства «ученых». Так вот, она в Ваших головах, а не в наших текстах. Здесь важно понятие пограничного сознания и мышления (вот Вам один из принципов деколониальной эпистемологии), отмеченное динамической двойной критикой как этнонациональных, так и западно-российских позиций (в моем конкретном случае). Это — постоянное балансирование между модерностью и трансмодерностью, а не примитивная антизападность и уход в какой-то эксклюзивистский пуризм или в архаику.

Аксиоматично и то, что западная модерность и ее всевозможные подражательные варианты (в России или в Латинской Америке) доминируют в мире вот уже пятьсот лет, представляя свои позиции как естественные, данные раз и навсегда, обязательные для всех. Поэтому избежать неких отношений с ними никто не может. И задача — не отгородиться от них, а вступить в спор и показать возможности иных эпистем, иных логик, иных этик. Здесь важны переосмысление и переименование того, что Запад свел к традиции, отклик на имперское высокомерие тех, кто определяет самих себя как современных, а свое прошлое видит как традицию вместе с прошлым остальных частей мира, которые являются чужими по отношению к европейскому своему.

Деколониальное пограничное мышление не отрицает Запад или модерность, а идет в направлении переосмысления модерного изобретения традиции. Это и есть

сфера высказывания с позиции экстерности, инаковости, созданной, придуманной изнутри, своим. Деколониальный поворот неразрывно сплетен с модерностью и ее дискурсами, постоянно с ними коммуницирует, полемизирует, предлагая в процессе, в диалоге свои понятия и концепции.

Так что Ваше представление о нем далеко от реальности. В качестве примера можно привести Махатму Ганди, который прошел долгий кружной путь через взгляд Запада снова к своей, некогда отвергнутой космологии, понятой уже посредством иной оптики и на другом уровне. То есть, это не антизападный взгляд, а взгляд, взаимодействующего и тесно связанного с модерностью сложными путями, затем разочаровавшегося в ее основаниях и прежде всего из-за колониальности власти как ее основной матрицы, и избравшего путь размежевания с модерностью на эпистемологическом уровне и поиска альтернативных генеалогий и оснований.

Теперь обо мне, раз Вы в вопросе своем переходите на личности. Начну с того, что у меня нет этнокультурной идентичности и навесить на меня ярлык представителя малого народа Вам не удастся. Во мне намешано большое количество кровей (и малых, и больших, и цветных и разных прочих в Вашей сомнительной таксономии), но они меня совершенно не определяют ни в каком разрезе.

Вообще же, Ваш взгляд на то, что вы называете «малыми народами» и «культурными меньшинствами», мягко говоря, слегка реакционен и архаичен. Он — дитя советского разлива расизма, замешанного на теории этноса, давно отвергнутой серьезной наукой, и на европоцентристских постгегелевских инсинуациях по поводу культурных миссий, наличия разума и тому подобных критериев деления человечества. Давно уже стало неприличным высказывать подобные взгляды в научном, да и в любом другом дискурсе (везде, кроме России), так что даже говорить об этом не стоит. Полагаю (и надеюсь), что в Вашем случае речь идет просто о бессознательном, а не намеренном следовании этим опасным научным мифам.

Если бы нечто подобное написали в любом научном журнале за границей, то навсегда бы утратили свою научную репутацию. Здесь для меня интересно другое. Почему Вы воспроизводите столь некритично эти потенциально очень опасные подходы? Ведь в Вашем случае (с Вашей фамилией и локальной историей) это довольно странно и наводит на определенные размышления. Это к вопросу о том, почему наша наука «догоняет» и «перегоняет». Потому что она не отмечена саморефлексией, а предпочитает рядиться под вторичного европейца, не понимая, что ее даже таковым считать не будут никогда.

Почему я выступаю в западных странах, я уже объясняла. Кстати, и западных тоже, и в Восточной Европе, и в постсоветском пространстве, и в Латинской Америке, и в Юго-Восточной Азии. Там повсюду имеются разные ниши, разные площадки, разные мнения. И достаточно много таких неортодоксальных мест, где есть понимание и интерес к тому, что делаю я в рамках деколониальных подходов. В России же этого нет. Наши площадки я не то чтобы игнорирую, но просто по опыту знаю, что их отличает невежество, неумение вести научный спор, элементарная невоспитанность, стремление не видеть ничьих точек зрения кроме своей, мифологизация собственной истории для утяжеления своего веса в мировой истории и т.д.

У меня просто нет желания и терпения разговаривать с людьми, с которыми мы не пересекаемся практически ни в чем и нигде. Знаете, по Ю.М. Лотману, если общаются два совершенно разных субъекта, то коммуникация не возможна, как и если

они будут совершенно одинаковыми (им не о чем разговаривать). Нужно различие, хотя и не абсолютное. Так вот, с большинством российских площадок у нас абсолютное различие. Меня это мало трогает, если честно, потому что у меня есть другие ниши для коммуникации.

По поводу переубеждения Запада, то это даже смешно. Никто об этом, естественно, не думает. Вы просто воспринимаете Запад как нечто мифически целостное и однородное. Я же говорю, естественно, о контестных площадках на Западе. Ломать приоритеты мейнстрима глупо, их надо подрывать, вести под них подкоп, если хотите, воспитывая и раскрывая дремлющие очаги свободного мышления, человеческого достоинства, смысловотворения и т.д. То, что западный мейнстрим уже давно проиграл и перестал быть сколько-нибудь влиятельным экономическим, военно-политическим и культурным центром мира — аксиоматично и многократно доказано не только на бумаге, но и на практике. Полюбуйтесь на современную мировую экономику, политику, культуру.

Насчет причин моей научной активности скажу так: у меня, в отличие от Вас, очень слабо проявлено стремление к социальной реализации в общепринятых рамках, к статусности, и уж тем более я не хочу быть в центре внимания. Это противоречит моим жизненным установкам. Я не вижу в этом особого смысла.

Моя научная активность целиком проистекает из моей собственной экзистенциальной ситуации, а не из престижности тех или иных изданий. Я пишу то, что важно для меня, а не то, что модно или будет опубликовано. И никакой особой протестности во мне нет. Вернее, она происходит внутри меня, но редко выливается вовне. Просто так уж получается, что в незападных и в гораздо меньшей мере в западных странах находятся ученые, студенты, аспиранты, которым близки и понятны проблемы, стоящие в центре моего внимания, которые хотят вступать в диалог, дискутировать, совместно работать над новыми смыслами, что мы и делаем уже более десяти лет. Ничего этого в России мне, к сожалению, встречать не приходилось.

В подлинном гуманитарном знании проекция в будущее всегда выражена очень ярко и без нее вообще нет настоящего гуманитарного знания. Поэтому акцент несомненно должен быть не на описании наличных условий и фактов, а на подготовке и создании контуров открытой утопии, обращенной в будущее, к (вос)созданию свободного воображения и (со)знания, эпистемологического неповиновения, пробуждения гена противостояния и ре-экзистенции, выведения ученого в мир с его реальными проблемами, вместо того, чтобы прятаться за проблемы самих дисциплин, что сопряжено непременно с постановкой под сомнение собственных научных оснований и провинциальности дисциплинарного знания.

Ю.М.: Сознаюсь честно, что мой вопрос прозвучал бы провокационно и не совсем корректно для большинства наших коллег. Но мне казалось, что Вас это не заденет. Я ведь знал, с кем имею дело (Вы уже высказывались по поводу своей идентичности), и рассчитывал на Ваше опережающее прочтение моего вопроса. И я никак не ожидал, что Вы предпочтете обрушить на меня всю мощь своей негодующей аргументации, столь привычной для нынешней публичной аудитории (как западной с ее толерантностью и политической корректностью, так и российской — с ее неизменными поисками врага и примирениями в духе интернационализма). Может быть, не стоит записывать меня поспешно в реакционеры, шовинисты и расисты? И дело не только в моей неосторожности или чем-то еще. И моя фамилия тут уж совсем не причем. У нее много корней, в

т.ч. славянских, как, кстати, и в Вашей родословной. По происхождению я – украинец и белорус. Но в отличие от Вас я считаю себя представителем русского мира, но для меня, как и для Вас этническая составляющая не имеет значения. Однако не я придумал такие таксономии, как «культурные меньшинства» и «малые народы». Это вполне устоявшиеся выражения в этнологии и теория этноса в этом не виновата. Ей это досталось по наследству.

Возможно, мы с Вами читали разные книги и имеем различный опыт ведения дискурса, но Вы явно переоцениваете мое «стремление к социальной реализации в общепринятых рамках, к статусности». Как раз в последние годы оно совершенно мне чуждо. Я ушел по возможности от бюрократической рутины и карьеристского запала. Это не значит, конечно, что мне не к чему больше стремиться в социальном плане, но поверьте статусность в моих жизненных ориентациях представлена меньше всего. К тому же она противоречит моим представлениям об эко-деятеле, образ которого мне по человечески близок.

Не думаю также, что Вы иначе, чем я, «составляете свои теории». Источники у всех исследователей одни и те же, но интерпретации разные. Моя трансперсональность, как Вы постоянно подчеркиваете, не является исключительным детищем трансперсональной психологии или постмодернизма. Я по-другому ее понимаю. Почему обязательно раскладывать всё по полочкам (ведь именно в этом Вы чаще всего меня обвиняете). Я строю свою концепцию, базируясь на разных философских и научных основаниях. Лично для меня она имеет и практическое значение, поскольку помогает решать проблемы повседневной жизни.

Спасибо Вам за то, что немного прояснили мне и читателям суть деколониального поворота. Ведь не все из нас смогут прочитать написанное Вами на эту тему. Мне, например, близка идея перманентного перехода (и диалога) между модерностью и трансмодерностью. Я могу лишь сожалеть о том, что в нынешней России Вы не находите подходящей площадки для профессионального общения. И это драматично. Хочется надеяться, что наше отставание не вечно и новые поколения в науке смогут преодолеть этот перекосяк.

Продолжим. Мадина Владимировна! Меня не покидает ощущение, что всё, что Вы с таким пафосом утверждаете (чего стоит только «создание контуров открытой утопии, обращенной в будущее») лишено собственно гуманитарного подтекста, а относится ко всему современному научному знанию. Возможно, я ошибаюсь. Но только привязки к собственно гуманитарному знанию пока не получается.

М.В.: Юрий Михайлович, это не мне судить, а читателям. Я же не могу говорить за другие науки, это было бы глупо и самонадеянно. Я размышляю о той сфере, в которой разбираюсь и которую в определенной условной мере репрезентирую. Если кому-то покажется, что это работает и в других дисциплинарных огородах, отлично!

Для меня же, как Вы, я надеюсь, успели заметить, такое разделение вообще не работает, поскольку я человек постдисциплинарный. Но понимая ярость в основном дисциплинарных читателей, я пытаюсь представить проблемы современной архитектуры знания в понятных им категориях и оградить себя от их предсказуемых нападков – ведь они обязательно скажут, что я лезу не в свою негуманитарную область. Так вот я не лезу, а объясняю, как может действовать привлекательная для меня модель на примере гуманитарии, которая особенно не вписывается в мировые научные тренды.

А если говорить о деколониальном повороте, то все это будет работать несколько иначе. Мы давно не делимся на гуманитариев и социальных теоретиков. У нас есть и экономисты, и философы, и семиотики, литературоведы, и социологи, и историки по формальным признакам, в западных рамках. Но для нас не это важно. Потому что мы сосредоточены не на дисциплинарности, как таковой, а на тех общих для нас проблемах, которыми мы занимаемся и на тех создаваемых в процессе методах, которые уже не будут нести однозначной дисциплинарной привязки. Так что не ищите у меня жесткой связи с гуманитарным знанием. Оно просто было выбрано как лежавший под рукой пример. Другое дело — гуманитарная миссия, та самая аксиология, о которой мы говорили выше. Но не гуманитарное знание как таковое, понятие, кстати, весьма скользкое и трудно определяемое.

Ю.М.: *Насколько реальны Ваши опасения относительно будущего гуманитарного образования в университетах? Я согласен с Вашим диагнозом, что российские университеты суть «жертвы неудачного эксперимента по скрещиванию худших качеств и черт советской и неolibеральной моделей — эдакий тоталитарно-корпоративный университет с резко заниженными реальными стандартами качества образования и преподавания при пролиферации бюрократических кампаний по их улучшению». Но как говорил один из наших вождей: где я возьму Вам других писателей (читайте — ученых). Может всё дело в самих гуманитариях, низком культурном, профессиональном и научном уровне их деятельности?*

М.В.: Я думаю, что дело и в том, и в этом. Это просто две разные проблемы, хотя они и связаны. Одна носит системный характер, укоренена в господстве не только бюрократии, но и определенной модели философии науки, архитектуры знания. Другая же — о которой говорите Вы, является продуктом, следствием первой, но она вполне исправима, особенно после того, как будет осознана и критически осмыслена первая.

При всем моем скепсисе по отношению к отечественной гуманитарной науке, я все же полагаю, что у нас есть вполне приличные ученые, и считать, что мы все стоим на низком уровне неправильно. Другое дело, что управляют наукой и определяют пути ее развития как раз те, о ком Вы говорите. Поэтому от «управляемых», но не переставших при этом размышлять, требуется осознание проблемы, консолидация сил, наработка критических подходов, механизмов оздоровления науки и поэтапные теоретические интервенции против власти (я имею в виду в данном случае научную власть). Для этого жизненно необходимы альтернативные площадки, не зараженные конфликтом интересов и «политикой пустого живота». И такой площадкой вполне может быть научный журнал.

Ю.М.: *И все же я настаиваю на системной природе отставания отечественной гуманитарной науки. Винить во всем только научную и околонаучную бюрократию нельзя. Многие поколения «рядовых» ученых немало сделали для укрепления старой, идеологической по сути архитектуры гуманитарного знания с ее неизбежными спутниками — формализмом, чиновничеством, погоней за учеными званиями и регалиями, неразвитостью экспертных структур и независимых научных ассоциаций.*

М.В.: Я с Вами согласна, причем проблемы здесь давно известны и широко обсуждались. Это несомненно и идеологичность гуманитарной сферы, которая в нашей стране традиционно тормозила ее развитие на протяжении нескольких веков и особенно в советский период. Ведь почему конкретно наш отечественный гумани-

тарий прятался за описательность и всякие древности? Чтобы не коснуться не дай Бог опасных и скользких тем, связанных с политикой и не сесть за это в тюрьму. Но было бы нетолерантно и самонадеянно с моей стороны хоронить всех гуманитариев скопом! Вы же обиделись на мой стеб относительно эгрегора. Они тоже имеют право обидеться. А по сути Вы правы. Но это проблемы не только гуманитарных наук, но и социальных, как мне кажется, да и других тоже.

Ю.М.: Спасибо, *Мадина Владимировна*, за откровенный и обоюдоострый разговор! В целях экономии времени наших читателей я предлагаю разбить материалы нашей беседы на две части. В следующий раз мы продолжим с Вами диалог и поговорим об этосе отечественных гуманитариев, проблемах их идентификации и многом другом.

Окончание следует...